

УДК 808.2=161.1(045)"311"(470)

О ДАТИРОВКЕ «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

Пенской В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

В статье автор рассматривает проблему датировки одного из известнейших произведений русской книжности – «Сказания о Мамаевом побоище». Автор поддерживает выдвинутую Б.М. Клоссом датировку (1521 г.), но выдвигает в защиту этой версии сугубо исторические и политические доводы. По мнению автора, предлагаемые более ранние датировки «Сказания...» не в полной мере учитывают характер московско-рязанских отношений, особенности эволюции которых с 80-х гг. XIV по конец XV в. не позволяют появиться на свет «Сказанию...» с его ярко выраженной антирязанской позицией. В 1521 г. сложилась ситуация, повторяющая до мелочей ту, что имела место в 1380 г., и это обстоятельство, по мнению автора, позволяет поддержать мнение Б.М. Клосса.

Ключевые слова: Москва, Рязань, Куликовская битва, «Сказание о Мамаевом побоище»

8 сентября 1380 г. на Куликовом поле сошлись в смертельной схватке русские полки, приведенные великим князем владимирским и московским Дмитрием Ивановичем, и татарские, возглавляемые беклярибеком Мамаем. «Чрес весь день сечахуся, – писал неизвестный русский книжник, – и падоша мертвых множество бесчисленно от обоих». И, завершая свой рассказ о битве, он продолжал: «И поможе Бог князю Дмитрию Ивановичю, а Мамаевы плъци (полки – **В.П.**) погани побегоша, ... обратиша плещи свои на язвы, и мнози оружием падоша, а друзии в реце истопоша». Разгромленный Мамай «не во мнозе» «утече» с поля битвы и вскоре погиб, а русские князья во главе с Дмитрием Ивановичем, «став на костех, благодари Бога и позвали похвалами дружину свою, ... возвратися отътуду на Москву в свою отчину с победою великою».¹

Касаясь значения Куликовской битвы 1380 г. для русской истории, Л.Н. Гумилев в свое время написал, что «суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представителя своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах».² Не касаясь оценки этого высказывания с точки зрения соответствия историческим реалиям конца XIV – нач. XV в. (да и более поздним), отметим, однако, что это сражение в русской культурной традиции со временем приобрело значение «осевого времени», точки отсчета, своего рода поворотного пункта, ознаменовавшего начало нового, «московского» этапа отечественной истории.

Естественно, что при таком отношении к нему благодаря усилиям русских книжников эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени сложился (пожалуй, как ни об одном другом событии русской средневековой истории) достаточно обширный пласт литературных произведений, объединяемых обычно под общим названием «Памятники Куликовского цикла». Центральное место в этом цикле занимает «Сказание о Мамаевом побоище», и причина этого очевидна – «Сказание» самый

¹ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 139-141.

² Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992. С. 164.

обширный, самый насыщенный информацией и подробностями рассказ об одном из важнейших событий русской истории. Это произведение стало подлинным «бестселлером» своего времени и пользовалось колоссальной популярностью – до наших дней дошло множество списков этого произведения в 8 редакциях (одной только редакции киевского «Синописа» 1674 г. Иннокентия Гизеля сохранилось около 70), которые, в свою очередь, делятся на несколько вариантов.

Такая популярность «Сказания...» легко объяснима – только оно и никакое другое произведение «Куликовского цикла» не сообщает нам столько подробностей о событиях лета – начала осени 1380 г. и о самом сражении. И трудно не согласиться с мнением отечественного историка И.Н. Данилевского, который отмечал в этой связи, что «почти все, что мы с детских лет помним о Куликовской битве, восходит» именно к этой повести.³ Здесь и рассказ о предыстории сражения, о заключении союза Мамаю с Олегом Рязанским и Ягайло, великим князем литовским, и краткое повествование о злонамеренных планах некоронованного ордынского правителя относительно Руси, мечтавшего превзойти самого Батюгу-царя, и описание встречи и совета великого князя московского с митрополитом Киприаном, и повесть о посольстве к Мамаю Захарии Тютчева со «златом и серебром многим». Из «Сказания» мы узнаем о военных приготовлениях Дмитрия, о сборе рати и коломенском смотре с «уряжением» полков, действиях русских сторожей в Поле, выдвижении объединенной рати Дмитрия и его союзников на Дон, навстречу Мамаю и его воинству. «Сказание» рассказывает нам и о встрече великого князя с преподобным Сергием, и подробно – о последних приготовлениях Дмитрия и его воевод к решающей битве, не говоря уже о самой битве, расписанной в красках со всеми возможными деталями.

Одним словом, устоять историкам перед соблазном использовать текст «Сказания» как первоклассный исторический источник, откуда можно черпать и черпать все новые и новые подробности для воссоздания эпической картины Куликовской эпопеи, было практически невозможно. И они не устояли. Возникавшие же время от времени вопросы и сомнения относительно правдивости сообщаемых «Сказанием» деталей эпопеи разрешались, как правило, предложенным академиком М.Н. Тихомировым способом. Маститый историк писал, что в основе, как он выразился, сводного текста «Сказания» лежал «рассказ, изобилующий подробностями, записанными еще во времена, близкие к Куликовской битве, когда еще не успела заглохнуть устная традиция», что «позднейшие наслоения церковного характера исказили первоначальный памятник московской поэзии XIV в., и только под его верхними слоями мы различаем его жизнерадостную и светлую основу, гражданский, светский характер, типичный для московской литературы времен Дмитрия Донского». Виновником же искажения первоначального «светлого и жизнерадостного» устного рассказа М.Н. Тихомиров полагал «чужеземцев», Киприана и Фотия, «греческих» митрополитов, «людей образованных, но чуждых русской стихии». «Особенно печальным для московской литературы было влияние литературных вкусов Киприана, – продолжал свою мысль историк, – ловкого и бесчестного интригана, напрасно возведенного в ранг реформатора русской письменности историками древнерусской литературы». И, завершая свою инвективу в адрес злосчастного митрополита, Тихомиров писал: «Особенной бездарностью в повестях о Мамаевом побоище и Тохтамышевой рати отличаются как раз тексты, где появляется имя Киприана как участника событий».⁴

³ Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. С. 274.

⁴ Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 168, 170.

Отнюдь не исключая наличия некоей устной традиции, восходящей к рассказам участников сражения, более того, даже допуская такую возможность (хотя проверить ее не представляется возможным), мы неизбежно оказываемся перед проблемой – где и когда эта устная традиция (если она существовала) неким русским книжником была подвергнута соответствующей духу времени переработке и перенесена на пергамент/бумагу (и теперь мы имеем дело именно с такой, переложенной на бумагу/пергамент и позднее подвергшейся неоднократной редакции переработке другими книжниками версией)? Таким образом, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой датировки текста «Сказания».

Важность этой проблемы обусловлена еще и другим, не менее важным обстоятельством. Уже упоминавшийся выше И.Н. Данилевский, касаясь проблемы ценности «Сказания...» как исторического источника, справедливо указывал на то обстоятельство, что «создатель этого произведения (т.е. «Сказания» – **В.П.**) вовсе не собирался готовить «отчет» об этом событии. Задачи его – как, впрочем, и всех других авторов произведений Куликовского цикла, – **были принципиально иными** (выделено нами – **В.П.**)...», – отмечал исследователь.⁵

«Были принципиально иными» – мы не случайно выделил именно эти слова в цитате. Они являются ключевыми, поскольку, не уяснив для себя, какие задачи ставил перед собой русский книжник, беря в руки гусяное перо и приступая к написанию «Сказания», мы не сможем понять, что хотел он донести до своих читателей. И снова сошлемся на мнение авторитета. «Замысел – основной фильтр, сквозь который автор (для нас чаще всего летописец) «пропускает» всю информацию, которую получает извне. Именно замысел определяет набор и порядок изложения известий в летописи. Мало того, он в значительной степени обуславливает внешнюю форму изложения, поскольку ориентирует автора (составителя, редактора) на определенные литературные параллели...».⁶ А замысел, которым руководствовался наш книжник, создавая свое мозаичное полотно, во многом определяется тем, образно говоря, «запросом» со стороны общества, и этот «запрос» во многом зависел от требования момента, от времени создания памятника. «Средневековый книжник не оставался наедине со своим текстом: его окружали другие книжники, – писал Д.С.Лихачев, – совместно с которыми он мог по частям переписывать свой текст, над ним иногда стоял заказчик, предписывавший ему то или иное отношение к тексту, он сам принадлежал к определенной социальной среде или работал для определенной среды – **рукопись имела идейное назначение, предназначалась для использования ее в той или иной обстановке** (выделено нами – **В.П.**)...».⁷ А, значит, необходимо прежде всего попытаться определиться со временем создания нашего памятника.

Относительно датировки «Сказания» в отечественной историографии существует весьма обширная литература [].⁸ При этом время создания этого памятника средневековой русской книжности, указываемое разными авторами, весьма сильно разнится – от конца XIV в. до 30-х – 40-х гг. XVI в. Так, один из авторитетнейших исследователей этого памятника русской книжности Л.А. Дмитриев полагал, что его текст появился на свет не позднее рубежа XV/XVI вв., а скорее всего – во времена сына

⁵ Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. С. 274

⁶ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). М., 1998. С. 14-15.

⁷ Лихачев Д.С. Текстология. СПб., 2001. С. 63-64.

⁸ См., например: Дмитриев Л.А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. X. М.-Л., 1954. С. 185-199; Салмина М.А. К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. LVI. СПб., 2004. С. 251-253 и др.

Дмитрия Ивановича, великого князя Василия Дмитриевича, после того, как русские земли подверглись нашествию эмира Едигея, а В.С. Мингалев относит время написания «Сказания» к 30-м- 40-м гг. XVI в.⁹ В.А. Кучкин, полагал, что «Сказание» не могло быть написано раньше 1485 г., а, скорее всего, в начале XVI в. Б.М. Клосс, развивая и уточняя его предположения, датировал создание «Сказания» 1521 г. и предложил считать его автором епископа Коломенского Митрофана, епископа Коломенского, бывшего великокняжеского духовника и архимандрита Московского Андроникова монастыря.¹⁰

Данная версия нам представляется весьма и весьма обоснованной и, принимая эту точку зрения (единственное, что вызывает некоторое сомнение, так это столь точная «авторизация» «Сказания»), мы исходи из того, что в пользу такого предположения о датировке повести есть не только приводимые В.А. Кучкиным и Б.М. Клоссом аргументы, но ряд других, не менее, как нам представляется, весомых.

Ключевым моментом в наших построениях стало высказанное М.А. Салминой предположение, что основным источником для «Сказания» была «Летописная повесть» о Куликовской битве, созданная в конце 40-х гг. XV в. Исследовательница писала, что согласно тексту «Сказания», «основной грех, который приписывается князю Олегу Рязанскому, – это «братоненавидение», Приравнение Олега Рязанского к братоубийце Святополку оправдано в «Летописной повести» не только с литературной точки зрения. Дмитрия Шемяку, с которым, как представляется, в 40-х годах XV в. ассоциировался рязанский князь Олег, официальный документ 1447 г. «Послание российского духовенства» также называл «окаянным Святополком» (речь идет о грамоте, датированной 29 декабря 1447 г.¹¹, отправленной от имени русского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу – **В.П.**)...».¹²

Однако такая трактовка вызывает серьезные сомнения – и по отношению к Шемяке, и тем более по отношению к Олегу Рязанскому. Ведь с Рязанью после знаменитой миссии Сергия Радонежского к Олегу Ивановичу у Москвы сложились вполне добрососедские и союзнические отношения¹³, а в том же 1447 г. (в июле месяце), на завершающем этапе московской «замятни», рязанский великий князь Иван Федорович заключает окончательное с Василием II.¹⁴ В нем рязанский князь, отказавшись пересматривать устоявшуюся систему отношений между Москвой и Рязанью, признает себя, как и его предшественники, «молодшим братом» московского князя. И возникает закономерный вопрос (вспомним тезис Д.С. Лихачева и соображения И.Н. Данилевского, приведенные выше) – зачем в достаточно сложный момент борьбы с Шемякой колоть глаза рязанскому князю столь тяжким обвинением в адрес его предка? И впоследствии такой необходимости также нет – так, в 1483 г. Иван III заключает с рязанским великим князем Иваном Васильевичем новую окончательную грамоту¹⁵, выдержанную в той же тональности, что и предыдущие. И на рубеже XV – XVI вв. мы видим, что московский и

⁹ См., например: Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009. С. 132-133; Салмина М.А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1979. С. 117, 124 и др.

¹⁰ Клосс Б.М. Сказание о Мамаевом побоище // Клосс Б.М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV – XVI веков. М., 2001. С. 344-345.

¹¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. 1334-1598. СПб., 1841. С. 75-85.

¹² Салмина М.А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 123.

¹³ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950. С. 29-30, 52-55.

¹⁴ Там же. С. 142-145.

¹⁵ Там же. С. 283-286.

рязанский великий князь рука об руку выступают против татар и Великого княжества Литовского. Выходит, что текст с ярко выраженной не только антиордынской и антилитовской, но и антирязанской направленностью не мог появиться ни в начале XV в., ни в его середине, ни в конце столетия. Следовательно, необходимо найти такой момент в истории, когда ситуация лета 1380 г. повторилась бы в точности, и книжнику, создавая свой злободневный текст, не пришлось бы прибегать к самоцензуре, рисуя того же рязанского князя не таким, каков он есть на самом деле.

И такой момент есть, и он может быть датирован очень точно – это и есть 1521 г. К этому времени внешнеполитическая ситуация вокруг Русского государства существенно изменилась, и не в лучшую сторону. После смерти Ивана III в 1505 г. внешнеполитическое положение Русского государства ухудшилось – казанский хан Мухаммед-Эмин попытался взять реванш за многолетнее унижение (а как иначе он, настоящий «царь»-чингизид, мог воспринимать свое де-факто вассальное положение по отношению к Москве?), а, потерпев неудачу, обратился за помощью к великому литовскому князю Сигизмунду I и крымскому хану Менгли-Гирею I, бывшему союзнику Ивана III. И тот, и другой с радостью восприняли послание казанца и приступили к сколачиванию антимосковской коалиции.

Коалиция эта должна была стать весьма широкой, с вовлечением в нее всех потенциальных врагов нового московского великого князя Василия. В эту коалицию Сигизмунд попытался вовлечь магистра Ливонского ордена В. фон Плеттенберга (от которой чести магистр благоразумно уклонился), и брата Василия III Юрия¹⁶, и, видимо, вместе с Менгли-Гиреем – и молодого великого рязанского Ивана Ивановича. В этой связи стоит отметить, что сохранились письма преемника Менгли-Гирея, Мухаммед-Гирея I, к Ивану Ивановичу, и послания хана к Сигизмунду I, из которых следует, что рязанский князь признал себя вассалом «царя».¹⁷ Нельзя исключить также и «особых» отношений Ивана Ивановича с Сигизмундом – в 1507 г. Менгли-Гирей пожаловал своего «брата», великого литовского князя, ярлыком, в котором, помимо всего прочего, жаловал Сигизмунда еще и Резанью с Переяславлем «в головах, людях, тьмах, городах и селах, и данях, и выходах, и з землями, и з водами, и с потоками», причем в ярлыке было отдельно прописано, что «вышеи писанные города, князи и бояре наперед сего великому князю Витовъту, брату нашему, а потом великому князю Жикгимонъту, брату нашему, какъ есте служивали, ино и ныне по тому жъ великому князю Казимиру, брату нашему, служите, колко городовъ, дани и выходы сполна давали, а которые люди напотом повышая дали есмо, не молте, перво того не служивали есмо, и дани и выходу не даивали есмо, никоторое вымовъки не меите, дани и выходы даваите, отъ нынешнего часу служите».¹⁸ Следовательно, согласно ярлыку, Иван Иванович становился еще и вассалом великого литовского князя (и, забегая вперед, именно в Литву направил своего коня Иван, когда в 1521 г. сумел бежать из московского узилища).

В итоге складывается следующая картина. Ситуация, сложившаяся в результате отпадения Казани от Москвы, поражения русских полков под столицей поволжского ханства и интенсивных контактов между Казанью, Кыркором и Вильно на предмет создания антимосковской коалиции, позволила поднять голову «младорязанской партии», под влияние которой попал молодой и неопытный Иван Иванович Рязанский. «Младорязанцы» (во главе которых, по мнению Д.И. Иловайского, стоял Федор

¹⁶ См.: Lietuvos Metrika. Kn. 7 (1506-1539). Vilnius, 2011. P. 108-109.

¹⁷ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. 1508-1521 гг. // СБРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 527, 640; LM. Kn. 7. P.416, 418.

¹⁸ Lietuvos Metrika. Kn. 7 (1506-1539). P. 90-91.

Сунбул¹⁹, родоначальник рода Сунбуловых) рассчитывали, что, опираясь на поддержку Сигизмунда и Менгли-Гирея, они смогут вернуть Рязани прежнюю независимость и, естественно, перераспределить власть, деньги и привилегии в свою пользу, оттеснив в сторону московских доброхотов (условно говоря, «старорязанская» партия).

Тайная интрига «младорязанцев», нашедшая поддержку в Крыму и в Вильно, судя по всему, была раскрыта. Иван Иванович был взят под стражу и доставлен в Москву, а московские наместники в Рязани приняли необходимые меры предосторожности, которые оказались совсем не лишними во время знаменитого «крымского смерча» 1521 г. В те жаркие летние дни, предварительно замирившись с Сигизмундом, Мухаммед-Гирей, недовольный политикой Василия III, под разными предложениями отказывавшегося содействовать в разрешении «астраханского» вопроса в нужном для хана ключе, напал на Василия III. Русские полки в кровопролитном сражении под Коломной (sic - !) были разбиты татарами, которые после победы устремились к русской столице и опустошили ее окрестности. Сам Иван Иванович сумел бежать из охваченной хаосом и анархией Москвы в Литву (откуда его потом пытался забрать к себе Мухаммед-Гирей), поскольку его конфиденты не сумели стать «пятой колонной» в Рязани, которой твердой рукой в эти трагические дни управлял московский воевода князь И.В. Хабар [].²⁰ И мы видим, что, как и летом 1380 г., против Москвы сложилась тройственная коалиция в лице татар, литовцев и рязанцев (причем, что любопытно, в состав рати Мухаммед-Гирея входил небольшой литовский отряд черкасского старосты О. Дашкевича²¹). Иван Иванович, «молодший брат» великого князя московского, наводит на своего «брата старейшего», как Святополк Окаянный, «ляхов» (литовцев) и «печенегов» (татар), и отнюдь не исключено, что именно люди Ивана Ивановича помогли татарам форсировать Оку под Коломной (что без опытных «вождей», знатоков местности, сделать было крайне сложно). И в этих конкретно-исторических условиях давняя темная история с Олегом Рязанским – союзником злокозненного Мамая была как нельзя более кстати – еще одно лыко в строку неверным рязанцам, не говоря уже о литовцах! И на этом историческом фоне датировка «Сказания» (равно как и авторство его), предложенная Б.М. Клоссом, выглядит наиболее обоснованной.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. 1334-1598. – СПб., 1841. – 604 с.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. – Т. I. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 776 с.
3. Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. – М., Экспресс, 1992. – 336 с.
4. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 399 с.
5. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 389 с.
6. Дмитриев Л.А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. – Т. X. – М.-Л., 1954. – С. 185-199.
7. Документы Московского министерства юстиции. – Т. I. – М., 1897. – 594 с.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – 591 с.

¹⁹ Иловайский Д.И. Рязанское княжество. М., 1997. С. 117-118.

²⁰ О событиях в Рязани летом 1521 г. см.: Розыск о побеге из Москвы князя рязанского. 1521 // Сборник князя Оболенского. Вып. 1. № 2. М., 1838. М., 1838. С. 3-10.

²¹ Документы Московского министерства юстиции. Т. I. М., 1897. С. 511. См. также: Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 419; Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 221.

9. Иловайский Д.И. Рязанское княжество. – М.: Чарли, 1997. – 512 с.
10. Клосс Б.М. Сказание о Мамаевом побоище // Клосс Б.М. Избранные труды. – Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV – XVI веков. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 331-346.
11. Лихачев Д.С. Текстология. – СПб.: Алетейя, 2001. – 759 с.
12. Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. – М., 1900. – 1155 с.
13. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508-1521 гг. // СБРИО. – Т. 95. – СПб., 1895. – 784 с.
14. Рогожский летописец // ПСРЛ. – Т. XV. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Стб.1-186.
15. Розыск о побеге из Москвы князя рязанского. 1521 // Сборник князя Оболенского. – Вып. 1. – № 2. – М., 1838. – С. 3-10.
16. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. – М.: Квадрига, 2009. – 248 с.
17. Салмина М.А. К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. – Т. LVI. – СПб., 2004. – С. 251-264.
18. Салмина М.А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. – Т. 29. – Л., 1979. – С. 99-124.
19. Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. – М.: Московский рабочий, 1992. – 318 с.
20. Lietuvos Metrika. Kn. 7 (1506-1539). – Vilnius, 2011. –1010 p.

THE DATING OF "THE WORD OF MAMAY'S DEFEAT"

V.V. Penskoj

Belgorod state national research university
e-mail: penskoj@bsu.edu.ru

The author considers the problem of dating one of the most famous works of Russian literacy - "The Word of Mamay's defeat" in this article. The author supports advanced by B.M. Kloss dating (1521). The author puts forward in support of this version of the historical and political reasons. Proposed earlier dating of the "The Word..." does not fully take into account the nature of the Moscow-Ryazan relations. Features of their evolution in the 80th. XIV century - the end of the XV century do not allow to be born "The Word..." with its pronounced antiryazanian position. In 1521 there was similar to the 1380 political situation. This makes it possible to support the opinion BM Kloss.

Keywords: Moscow, Ryazan, the battle of Kulikovo Field, "The Word of Mamay's defeat"
